

В автобусе, прежде чем юноша вышел, оставалось еще много людей.

— Отличник, увидимся после каникул.

— Увидимся после каникул.

Это были прощальные слова.

Спускаясь по ступенькам, Гуань Юй, сидя на своем месте, помахал ему рукой. Даже после того, как юноша вышел, он все еще мог видеть мальчика через стекло автобуса. Зная, что тот не услышит, Гуань Юй лишь беззвучно произнес:

— До свидания.

— До свидания.

Так же беззвучно ответил Цзян Линь, невольно подняв руку и помахав в ответ.

Когда автобус снова тронулся, увозя всех пассажиров, Цзян Линь медленно зашагал вперед. С каждым шагом чувство счастья в его сердце становилось все сильнее, почти полностью охватывая его. В последний день уходящего года они провели время вместе.

Авторская ремарка: Дополнение, хоть и с опозданием.

Вернувшись домой, первым делом Цзян Линь передал благодарность от соседей по комнате Гуань Юя своим дедушке и бабушке.

— Им очень понравилось то, что вы приготовили.

— Если понравилось, то через несколько дней, когда ты вернешься в школу, я приготовлю еще, и ты отнесешь своим друзьям и его соседям, — лицо бабушки озарилось улыбкой, и она выглядела очень довольной.

Дедушка, сидевший рядом, тоже улыбался.

— Хорошо, — кивнул Цзян Линь, а затем, к удивлению всех, обнял дедушку и бабушку за плечи, сказав с нежностью:

— Спасибо вам, дедушка, бабушка.

Он произнес это с обычным выражением лица, ни холодным, ни теплым. Но такой жест заставил пожилых людей покраснеть от умиления.

С тех пор, как внука забрали к ним, он всегда вел себя слишком ответственно, даже некоторые важные семейные дела теперь были под его контролем. Однако для бабушки и дедушки, как бы он ни был ответственен, он оставался их внуком, маленьким мальчиком. Перед родными у него было право быть капризным, право на ласку. Но за все эти годы Цзян Линь никогда этого не делал.

Чем больше он проявлял ответственности, тем больше это огорчало пожилых людей. Они считали, что если бы не их прежнее невнимание, их внук не был бы таким, как сейчас. Именно из-за прошлого опыта бабушка и дедушка проявляли к Цзян Линю двойную долю терпения и понимания. Они не смели требовать от него большего. Не важно, не ласкался ли он, не капризничал ли — он и таким был уже хорош. Очень хорош.

Юноша был отличником, в юном возрасте уже имел свое дело. Хотя бабушка и дедушка не знали подробностей, он дал им понять, что у него все в порядке. Они гордились своим внуком.

— Что ты благодаришь, глупенький? Мы же твои родные.

— Вот именно, большой парень, а тут вдруг начал сентиментальничать? — сказали бабушка и дедушка, но их тронутые лица выдавали истинные чувства.

Они думали, что Цзян Линь всегда будет таким, но он преподнес им такой сюрприз. Хотя в других семьях это было бы обычным, самым нормальным жестом, они знали, как это важно для Цзян Линя. Пережитое в детстве заставило его рано закрыть свое сердце, даже с родными он всегда сохранял некоторую дистанцию.

Закончив говорить, бабушка быстро встала, сказав, что сегодня Новый год и они должны хорошо поесть, а на кухне еще много дел.

Она шла быстрее, чем обычно, время от времени вытирая лицо рукой. Дедушка последовал за ней, сказав, что поможет, иначе она одна будет возиться до вечера. Его походка была такой же, как у бабушки.

Цзян Линь понимал, что пожилые люди сейчас взволнованы, поэтому не стал им мешать. Его родители умерли рано, а воспоминания о детстве в доме дяди были не самыми приятными, поэтому понятие родных для него всегда было туманным. Как в прошлой жизни, так и в этой, живя с бабушкой и дедушкой, он никогда не проявлял особой нежности. Со стороны они могли казаться чуть ближе, чем обычные знакомые. Но только что, даже он сам не знал почему, он поступил так, как подсказало сердце.

На самом деле, результат был предсказуем. Сейчас, сидя на диване в одиночестве, Цзян Линь вдруг понял, что ему не противно это чувство.

Подождав немного, чтобы дедушка и бабушка успокоились, он встал и направился на кухню.

— Бабушка, я и дедушка поможем тебе помыть овощи.

— Хорошо, вы, мужчины, возьмете на себя по одному блюду, — ответила бабушка, ее голос звучал бодрее, чем обычно, в нем явно слышалась радость.

Дедушка, услышав слова Цзян Линя, отошел к раковине, передав внуку еще не помытые овощи.

— Давай, посмотрим, кто из нас быстрее справится, — сказал он, ускоряя движения.

Этот детский азарт заставил бабушку улыбнуться. А их внук, стоя рядом с дедушкой, старательно мыл овощи, время от времени «случайно» брызгая водой на старика. Такого живого Цзян Линя дедушка и бабушка не видели уже давно. Поэтому бабушка предпочла не замечать его маленькие шалости, а дедушка лишь покричал для вида, хотя в душе был рад.

Ужин был приготовлен усилиями всех троих. После еды Цзян Линь помог бабушке помыть посуду. Было девять часов вечера.

На улице царил оживление, многие молодые люди собирались вместе, чтобы встретить Новый год, а по телевизору уже шел новогодний концерт. Цзян Линь не был заинтересован в просмотре, поэтому, пожелав дедушке и бабушке спокойной ночи, отправился в свой кабинет.

Шторы были открыты, и, сидя в кресле, он мог видеть анимацию на электронном экране высотного здания, а также обратный отсчет до Нового года.

Что сейчас делает Юй Юй?

Внезапно возникла эта мысль. Сначала она была едва заметной, но с течением времени становилась все сильнее, словно требовала ответа.

Экран телефона, лежащего рядом, загорелся. На нем был открыт последний диалог. Пальцы Цзян Линя шевельнулись, и он вышел из чата, открыв альбом с фотографиями, посвященными Гуань Юю. Он опустил взгляд, внимательно рассматривая снимки. Все они изображали мальчика в разных ситуациях.

Когда он снова поднял глаза, было уже девять сорок.

Что сейчас делает Юй Юй?

Мысль снова возникла. Он хотел отправить сообщение, спросить его. Но пальцы то поднимались, то опускались, и в конце концов он так и не решился. Он слишком нервничал. Даже зная, что они уже друзья, и что ему не нужно быть таким осторожным, он все равно боялся. Потому что изначальной целью этого вопроса была его симпатия. Он любил его, невольно думал о нем, поэтому и хотел спросить.

Подождем. Когда наступит полночь, под предлогом новогоднего поздравления.

Кажется, он нашел достаточно убедительную причину, чтобы оправдать себя. Цзян Линь снова погасил экран телефона и открыл ноутбук, погрузившись в работу.

Работая, он как будто не замечал времени. Но сегодня было иначе. Он знал, что на экране за окном сменилось семнадцать анимаций, знал, что бабушка дважды заходила в кабинет, один раз принесла молоко, другой — перекус. Он также знал, что ветка за окном качалась на ветру сто двадцать семь раз. А до Нового года оставалось восемь минут.

Восемь минут.

Это число заставило Цзян Линя отложить работу и снова включить экран телефона.

[С Новым годом.]

Неудовлетворенный, он стер написанное.

[С Новым годом.]

Снова написал то же самое. Цзян Линь хотел добавить что-то еще, но, казалось, нечего было сказать.

[Ты уже спишь? С Новым годом.]

Третья попытка. Казалось, она была лучше предыдущих. Убедившись, он оставил сообщение в поле ввода, ожидая наступления полуночи, чтобы отправить его.

За окном продолжался обратный отсчет. С восьми минут до четырех. Каждая минута казалась бесконечной, будто каждая секунда получила право на долготу. Цзян Линь не отрывал взгляда от времени на экране телефона.

<http://bllate.org/book/15445/1369947>